

Имя мое — Тралл.

На языке людей оно означает «раб». У этого имени длинные корни, и почему оно было дано мне, рассказывать теперь я не стану. Благословением духов и силой крови героев, текущей в моих жилах, я стал верховным вождем моего народа — свободных орков — и предводителем союза племен и рас, ныне именуемых Ордой. О том, как это случилось, я расскажу в другой раз. Сейчас я хочу запечатлеть на пергаменте историю моего отца и тех, кто поверил в него, а также тех, кто предал — и его, и весь мой народ. Я спешу, ибо близится время еще живым героям этой истории уйти к великим предкам.

Что стало бы с нами, если б судьба повела другой дорогой, не сможет сказать даже мудрый Дрек'Тар.

Пути предначертанного многообразны, и едва ли наделенному разумом стоит пускаться по обманчиво легкой тропе, начинающейся с «если бы». Что было, то было, и мой народ с честью принял как славу, так и позор наших дел.

Эта история не о нынешней Орде — свободном союзе орков, тауренов, троллей, Отрекшихся и эльфов крови, — но о восстании первой Орды. Рождалась она, как всякое дитя, в крови и муках, и первые крики новорожденной означали смерть для ее врагов...

WORLD
OF
WARCRAFT®

РОЖДЕНИЕ ОРДЫ

КРИСТИ ГОЛДЕН

Издательство АСТ
Москва

*Свою книгу я посвящаю Крису Метцену
(его поддержка и энтузиазм очень пригодились
мне в работе над этим проектом),
а также фантастическим существам с PII-сервера
«World of WarCraft®» —
всем тем, с кем мне выпала честь играть.
В их числе Арон и Эрика Джолли-Меерс,
Лэйси Коулмэн и Шон Рич,
которому я благодарна в особенности,
ведь это он зазвал меня в ролевую игру.*

Совет Теней, вперед, к победе!

ПРОЛОГ

Сила незнакомца лучилась светом, ослепительным переливом цветов и оттенков. Свет укрывал его будто плащ, короной сиял вокруг могучей главы. Голос незнакомца принимали и уши, и разум, и текла от него по жилам сладкая радость — словно от любимой песни, забытой, но вспомнившейся внезапно.

Дар, предлагаемый незнакомцем, был велик.

Сердца тянулись к нему, но все же... Тень сомнения встала над ним.

Когда незнакомец исчез, вожди эредаров заговорили друг с другом — тайными словами разумов.

— За столь многое он желает так мало, — заметил первый, играя мышцами, — и по обоим мирам, тленному и духовному, пробежало эхо его силы.

— Такая мощь, — пробормотал задумчиво второй — прекрасный, изящный, исполненный благодати и красоты. — И ведь он поведал нам правду, ибо никто не в силах лгать, рассказывая так.

Предсказанное им — случится!

Третий молчал. Все трое знали: видение, явленное незнакомцем, невозможно подделать, оно правдиво. Все же третий вождь, Велен, хотя и поверил видению, встревожился — было в чужаке, назвавшем себя Саргерас, нечто пугающее. Вожди эредаров были друзьями. Велен был в особенности дружен с Кил'джеденом, сильнейшим и самым решительным из троих. Дружили они несчетные годы, проходившие незаметно для существ, над которыми время не властно. В глазах Велена мнение Кил'джедена весило больше, чем мнение Архимонда — тот хотя и мыслил здраво, но был тщеславен и падок на лесть, и потому не всегда судил беспристрастно. А Кил'джеден был за то, чтобы согласиться с незнакомцем.

Велен снова принялся обдумывать видение: новые миры, ожидающие освоения и, что важнее, изучения, постижения. Эредары очень любознательны. Познание для них столь же необходимо, как для существ низших — хлеб и вода. А Саргерас пообещал удивительное, притягательное, завораживающее — если только эредары согласятся на малость: поклясться Саргерасу в верности.

И обещают верность своих народов.

— Как обычно, наш Велен осмотрителен и осторожен, — заметил Архимонд.

Слова, облеченные в форму похвалы, — но теперь они показались Велену почти насмешкой.

Он знал, чего жаждет Архимонд, знал, что тому нерешительность друга кажется досадной помехой на пути к желаемому. Велен улыбнулся.

— Да, я самый осторожный из нас, и моя осторожность спасала нас столь же часто, как твоя решительность, Кил'джеден, и твоя находчивость, Архимонд.

Оба рассмеялись, и на мгновение Велен ощутил прежнее дружеское тепло. А отсмеявшись, почувствовал: они уже решили. Разошлись молча.

Велен смотрел вслед уходящим друзьям, а на сердце становилось все тяжелее. Правильно ли они поступили? А как решит он сам?

Они давно знали друг друга — такие разные, но дополнявшие и уравнивавшие один другого во имя пользы мира и спокойствия их народа. Велен знал — вожди превыше всего ставят благополучие тех, кто им поверил, и всегда троим удавалось прийти к согласию.

Теперь они уже решили принять дар — но почему же так тревожно от уверенности и обаяния Саргераса? Гость заверял: именно эредаров он и искал — сильный, гордый, страстный, разумный народ. О, как смогут эредары укрепить свою мощь, служа благородной цели — единению всех миров. Саргерас изменит эредаров, наделит их дарами, каких не знала вселенная, ибо никогда еще сила, подобная Саргерасу, не соединялась с уникальностью эредаров. Саргерас показал правду...

И все же — отчего сомнения?

Велен пошел в храм, куда часто заглядывал в часы тревог. Этой ночью в храме были и другие эредары: сидели вокруг каменного постамента с драгоценным кристаллом Ата'мала. Кристалл был столь древним, что никто уже не помнил его происхождения — так же как эредары не помнили своего. Легенда гласила: кристалл был дарован эредарам в глубокой древности. Он позволял усилить способности разума, изучать и познавать тайны вселенной, использовался для

исцеления, призыва существей, а порой позволял заглядывать в будущее. Этой ночью Велен желал заглянуть в грядущее. Благоговейно приблизился, тронул кристалл. Теплый — будто зверек свернулся клубком в ладони. Теплое касание успокаивает. Велен глубоко вдохнул — знакомая сила напитала душу, — затем вернулся в круг созерцающих.

Закрыв глаза — и расслабился, открыв восприятию разум и тело, чутье мага. И поначалу увидел подтверждение пророчеству Саргераса: увидел себя стоящим вровень с Кил'джеденом и Архимондом, повелителями не только своего благородного и горделивого народа, но и бесчисленного множества миров. Троих окутывала мощь, завлекающая, пьянящая, будто крепчайшие вина. Сияющие города лежали у их ног, и горожане простирались перед владыками, приветствовали их криками радости и обожания, выказывая верность.

Новые знания и умения, невиданные устройства ожидали познающего взгляда. Тома на неведомых еще языках ждали перевода, обещая открыть диковинную, невообразимую магию. Великое, славное дело! Голова Велена закружилась от восторга.

Он взглянул на Кил'джедена — старый друг улыбался. Архимонд дружески коснулся плеча.

Затем Велен глянул на себя — и закричал в ужасе. Тело стало огромным, но чудовищно исказилось. Гладкая голубая кожа почернела, пошла бурыми пятнами, вспучилась грубыми выростами — словно кора благородного дерева, пораженная хворью. Свет исходил от Велена — но не чистый, ясный свет незапятнанной силы, а ядовито-зеленый, больной, тре-

вожрый. Ошеломленный, обернулся к друзьям — те тоже потеряли былые обличья.

Они стали ман'ари!

Слово это на языке эредаров обозначало нечто чудовищно искаженное, неправильное, оскверненное. Осознание ударило в душу, будто пылающий меч. Велен закричал, дрожа, оторвал взгляд от своего искаженного тела, огляделся вокруг, отыскивая обещанные Саргерасом мир и процветание, но увидел лишь зло. Где за мгновение до того стояла ликующая толпа — лежали изувеченные трупы, а по ним ступали существа, превратившиеся, подобно Кил'джедену и Архимонду, в монстров. В крови по телам скакали невиданные чудовища: псы со щупальцами на спинах, крошечные, хохочущие твари, танцующие среди мертвечины, обманчиво красивые, изящные существа с распростертыми крыльями за спиной, глядящие на побоище с удовольствием и гордостью. Где ступали раздвоенные копыта этих существ, умирала земля. Истлевала не только трава, но и почва, иссыхало, мертвело все, дающее жизнь.

Так вот что хотел Саргерас учинить с эредарами, вот о каком «укреплении» вещал, сияя! Если народ Велена подчинится Саргерасу, то превратится в стадо этих... этих ман'ари! Вдруг он понял: увиденное — не единичный случай. Не один-единственный мир постигнет кровавая участь — десятки, сотни, тысячи! Если они поддержат Саргераса — погибнет все! Тогда легионы ман'ари, ведомые Кил'джеденом, Архимондом и — о светлое благо, спаси нас и охрани — самим Веленом, уничтожат все существующее, выжгут и омертвят, как несчастную землю, явившуюся

в пророчестве. Быть может, Саргерас безумен? Или еще хуже — он понимает, на что идет, но все равно жаждет идти?

Кровь и огонь залили мир, залили Велена, испепеляя, сокрушая, пока он не упал наземь. Тогда видение милосердно угасло, и он вернулся в мир, рыдая, дрожа. Теперь он остался один в храме, и кристалл светился тепло, успокаивая. Счастливое, мирное тепло!

Кровь и огонь еще не пришли. Увиденное еще не стало явью. Саргерас не солгал: эредары изменятся, достигнув почти божественной силы, знания, власти, и потеряют все, что ценят, предадут всех, кого поклялись защищать.

Отер ладонью лоб — всего лишь пот, не кровь.

Пока не кровь. Возможно ли изменить будущее, не допустить разрушений, остановить легион чудовищ?

Ответ пришел к нему, ясный и свежий, будто глоток прохладной чистой воды в пустыне: ДА!

Друзья явились без промедления, услышав отчаяние в его зове. За несколько мгновений он, прикоснувшись к их разумах, сообщил увиденное, передал чувства. Сперва мелькнула надежда: они поняли, согласились. Предсказанное не свершится!

Но Архимонд нахмурился.

— Это пророчество мы не можем проверить. Это лишь твои подозрения.

Велен поглядел на друга, недоумевая, затем обратился к Кил'джедену. Тот не был столь поработан тщеславием. Кил'джеден силен и мудр.

— Архимонд прав, — подтвердил Кил'джеден, не задумываясь. — Здесь нет истины — лишь страхи в твоём сознании.

Велен смотрел, исполняясь боли. Осторожно, тщательно отделил свой разум от сознания друзей. Теперь он остался в одиночестве — никогда больше не разделит чувства и мысли с этими двумя, раньше бывшими как части целого, продолжения его души и разума. Кил'джеден же воспринял разрыв связи как признак согласия, как поражение Велена — как тот и рассчитывал. Потому улыбнулся, положил руку на плечо.

— Не бойся — я не обменяю доброе и правильное на то, что может обернуться бедой, — сказал Кил'джеден утешительно. — Да и ты, думаю, тоже.

Велен не рискнул солгать — просто опустил глаза, вздохнув. Когда-то и Кил'джеден, и даже Архимонд разгадали бы столь простую увертку. Но сейчас им было не до разгадок — мечтали увлеченно о необъятной силе, ожидающей впереди. Переубедить поздно: эти двое, когда-то столь великие, уже превратились в слуг Саргераса, уже шагнули к превращению в ман'ари. Велен понял: если догадаются, что он не с ними, станут врагами, и последствия будут ужасны. Нельзя выдавать себя, нужно выжить — для того, чтобы спасти хоть кого-то из своего племени от проклятия и гибели.

Велен кивнул в знак согласия, но промолчал, и было решено, что все вожди эредаров подчинятся великому Саргерасу. Кил'джеден с Архимондом тут же отправились готовить встречу новому владыке. А Велен остался проклинать себя за беспомощность. Хотел защитить весь народ, но понимал: невозможно. Большинство поверят Кил'джедену с Архимондом и пойдут за ними к горькой судьбе. Но есть горстка

единомышленников, доверяющих, готовых бросить все по одному его слову. Им придется бросить: родной их мир, Аргус, вскоре разрушится, пожранный безумием легиона демонов. Уцелевшим останется только бежать.

Но куда?

Велен глядел на кристалл, исполняясь отчаяния. Саргерас грядет, и в этом мире нет от него спасения. Как и куда бежать?

Слезы затуманили взгляд. От них, наверное, кристалл показался мерцающим, дрожащим... Велен моргнул — нет, это не обман: кристалл засветился! Поднялся медленно с пьедестала, поплыл, завис перед потрясенным Веленом.

В сознании зазвучал тихий голос: «Коснись!»

Пораженный, трепещущий, Велен протянул сильную руку, ожидая знакомого спокойного тепла.

Охнул — от кристалла хлынул поток энергии, почти столь же мощный, как явленная в видении темная сила. Но энергия кристалла была чистой, неоскверненной — и с нею возродилась надежда, вернулась крепость души.

Странное поле света вокруг кристалла разрослось, вытянулось, приобретя форму диковинного существа. Велен заморгал, почти ослепленный, но отворачиваться не хотел.

— Ты не одинок, Велен из народа эредаров, — прошептал в сознании мягкий, тихий голос, подобный шелесту ручья, шороху летнего ветра.

Сияние померкло, и Велену предстало создание, сотканное из живого света, золотисто-желтое в средоточье, спокойно-пурпурное по краям.

У центра его кружились, плясали поблескивающие металлом знаки, умиротворяющие, завораживающие. Оно говорило, и слова его, вспыхивающие в сознании, казались голосом воплощенного света.

— Мы тоже заметили грозящий множеству миров ужас. Наша цель — равновесие существования, а задуманное Саргерасом превратит вселенную в руины, в царство хаоса. Все чистое, правдивое, верное, святое сгинет безвозвратно...

— Что вы... кто? — Велен, ошеломленный сиянием существа, даже не смог облечь вопрос в разумную форму.

— Мы — наару. Ты можешь звать меня К'уре.

— Наару... К'уре... — прошептал Велен и словно бы, произнеся, причастился их сокровенной сути.

— Страшное уже началось. Мы не в силах остановить его — твои друзья вольны в своем выборе.

Но ты потянулся к нам отчаявшимся сердцем, желая спасти доступное спасению. Потому мы делаем, что в наших силах, — спасем тех, чьи сердца отвергнут ужас, предложенный Саргерасом.

— Что же мне делать? — Глаза Велена снова наполнились слезами, теперь уже от радости и новой надежды.

— Собери тех, кто прислушается к твоей мудрости. В самый долгий день года поднимись на высочайшую гору твоей земли, взяв кристалл Ата'мала с собою. Давным-давно мы дали его твоему народу, чтобы в нужное время вы могли отыскать нас. Мы явимся и унесем вас прочь.

На мгновение тень сомнений, зыбкая, словно пламя свечи, промелькнула в сердце Велена: ведь